

© **Наталья Валерьевна Наумова**,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры конституционного и
муниципального права,
Владимирский филиал РАНХиГС
e-mail: natalya.naumova.69@list.ru

Naumova N. V.,
candidate of Pedagogics, associate
Professor of the department of
constitutional and municipal law,
Vladimir branch of the RANEPa

© **Александр Романович Караев**,
студент факультета права,
Владимирский филиал РАНХиГС
e-mail: karaev260613@mail.ru

Karaev A. R.,
student of the Faculty of Law,
Vladimir branch of RANEPa

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА КАК НОВАЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Historical truth as a new constitutional and legal category

Аннотация: в статье анализируется понятие «историческая правда», позиции ученых, на основании которых приводится авторское толкование рассматриваемого конституционно-правового положения. Подчеркивается многоаспектность такого понятия и показываются риски отсутствия его легального толкования. Предпринята попытка сформулировать понятия «защита исторической правды» и «механизм защиты исторической правды». Представляется и алгоритм механизма защиты исторической правды.

Abstract: The article analyzes the concept of "historical truth", the positions of scientists, on the basis of which the author's interpretation of the constitutional and legal provision under consideration is given. The multidimensional nature of such a concept is emphasized, and the risks of its lack of legal interpretation are shown. An attempt is made to formulate the concepts of "protection of historical truth" and "mechanism of protection of historical truth". The algorithm of the mechanism of protection of historical truth is also presented.

Ключевые слова: историческая правда, защита исторической правды, механизм защиты исторической правды, фальсификация посягательства на историческую правду, исторический факт.

Keywords: historical truth, protection of historical truth, mechanism of protection of historical truth, falsification of encroachment on historical truth, historical fact.

В 2020 году на общероссийском голосовании были одобрены масштабные изменения в Конституцию Российской Федерации. Одним из нововведений стала статья 67.1, в которой содержится положение об

обеспечении защиты исторической правды Российской Федерацией. Однако историческая правда принадлежит к числу неразработанных в конституционно-правовой доктрине категорий, потому представляется важным проанализировать это положение. Обратимся к мнению ученых, исследовавших данную категорию.

Так, С. Р. Чеджемов приравнивает такие два понятия, как «историческая правда» и «историческая объективность»: «принятие на всенародном голосовании поправок в текст Основного Закона нашей страны – Конституции РФ... в значительной мере обосновывает правовую базу нашей борьбы за историческую объективность в анализе историко-правовых вопросов» [1, с. 123].

По мнению Г. Л. Москалева, историческая правда — это «требующая охраны от ее изменения социально значимая достоверная информация об исторических событиях, связанных с обороной России и, главным образом, с историей Великой Отечественной войны, состоящая из точно подтвержденных исторических фактов» [2, с. 1071]. Фактически приравнивая, подобно С. Р. Чеджемову, историческую правду к исторической объективности («состоящая из точно подтвержденных исторических фактов»), Г. Л. Москалев сужает содержание исторической правды только до определенных вопросов (оборона России) и периодов (период Великой Отечественной войны), что, по нашему мнению, является чрезмерно ограничительным толкованием конституционно-правового положения. Представляется не совсем верным также и утверждение о том, что обеспечение защиты исторической правды должно проходить только в отношении социально значимой информации, так как: *во-первых*, человеческая история не может быть разделена на события «повышенной важности» и события «пониженной важности». Каждое событие обуславливается множеством других, потому нельзя отмежеваться от одних, называя их не социально значимыми. К примеру, нельзя говорить о Великой Отечественной войне совершенно в отрыве от того, что предшествовало ее началу, детерминировало ее и в итоге материализовалось в нее. В этом смысле защита исторической правды должна обеспечиваться не только в отношении каких-либо «избранных» периодов, но в отношении всей истории вообще; *во-вторых*, социальная значимость той или иной информации имеет некоторую неустойчивость, она зачастую определяется тем моментом, в которое проживает страна в настоящее время. Тогда выходит, что защита исторической правды должна обеспечиваться только в отношении «актуальных» («социально значимых») сфер исторического прошлого, что снижает роль истории как науки до знаний, «удовлетворяющих» сиюминутные «конъюнктурные потребности».

Кроме того, В. В. Лавров справедливо отметил, что трактовать понятие «историческая правда» можно двояко. Первый подход заключается в приравнивании исторической правды к исторической истине, которая «позволяет получить адекватное знание о прошлом» [3, с. 23]. Второй подход заключается в отказе «от восприятия указанных понятий как

синонимичных»: отсутствие знака равенства между исторической правдой и исторической истиной может привести «к процессам субъективизации исторических исследований в интересах государства, а точнее конъюнктурной политики».

П. А. Астафичев же считает, что термин «историческая правда» стоит рассматривать через фундаментальное противопоставление таких слов, как «правда» и «ложь» в русском языке: «русскоязычный термин «правда» имеет еще одно значение – противоположность лжи. Это вопрос об истине, достоверности фактов, исключении мистики и вымыслов» [4, с. 117].

М. В. Пресняков стоит на позиции отсутствия знака равенства между исторической правдой и исторической истиной: «в отличие от истины правда носит принципиально интерпретативный характер» и «правда заимствует у истины только фактические данные о реальных событиях, дополняя их оценочными суждениями» [5, с. 70]. Если следовать такой точке зрения, то, как справедливо отмечает В. В. Лавров, «это... может привести к чрезмерному и необоснованному ограничению свободы исторических исследований, основанной на конституционном положении (ч. 1 ст. 44) о свободе научного творчества».

Таким образом, вопрос о том, что же такое «историческая правда» как видовое понятие, напрямую зависит от того, как мы понимаем *правду вообще*: как синоним истине или же истина, помноженная на субъективное восприятие. Законодатель, к сожалению, не предоставил нам конкретного определения, что ведет к рискам ограничения личных прав граждан, в том числе и права на свободу слова. Однако, как заверяет Конституционный суд РФ в Заключении от 16.03.2020 № 1-3, конституционное положение об обеспечении защиты исторической правды Российской Федерации имеет «неполитический, надпартийный характер» и не может трактоваться как введение государственной или обязательной идеологии [6].

Итак, статья 67.1 Конституции закрепляет за Российской Федерацией *обязанность* обеспечения защиты исторической правды. Что же такое *защита исторической правды* как процессуальный аспект государственной политики?

Мы предлагаем следующее определение: защита исторической правды – это комплекс государственных мероприятий, направленный на противодействие фальсификации истории (российской и мировой), искажению истории и уничтожению исторической памяти российского народа. Явления, от которых Российской Федерация защищает историческую правду, стоит обозначить как «*посягательство на историческую правду*» или «*искажение исторической правды*» (по смыслу нижеприведенного положения из Стратегии национальной безопасности).

Любое конституционно-правовое положение должно быть конкретизировано в нижестоящих по юридической силе правовых актах. Потому следует говорить о *механизме защиты исторической правды*, который состоит из двух аспектов: правовой (уголовно-правовая защита

исторической правды, административно-правовая и пр.) и неправовой (к примеру, популяризация истории как науки).

По нашему мнению, механизм защиты исторической правды – это совокупность всех способов, средств и методов, способствующих реализации обеспечения защиты исторической правды Российской Федерацией.

Исходя из определения защиты исторической правды как важной историко-правовой категории в конституционно-правовом пространстве, можно утверждать, что в ее защиту входят такие процессы, как: 1) борьба с фальсификацией истории; 2) борьба с «переписыванием» (искажением) истории; 3) борьба с уничтожением исторической памяти.

Два из вышеназванных процессов закреплены в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в IV разделе «Защита традиционных российских и духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической *памяти* (курсив наш. – Н. Н., А. К.)» [7]. Представляется возможной правовая коллизия, так как в соответствии с Конституцией на Российскую Федерацию возложена обязанность обеспечить защиту именно исторической *правды*. В данном случае следует пользоваться конституционным текстом.

Итак, п. 88 Стратегии гласит: «...Участились попытки *фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти...*» [7].

Представляется неверным отсутствие в данном положении термина *искажение истории*, потому как это не соответствует двухуровневой структуре исторического познания, о чем подробнее речь идет ниже: первый уровень имеет дело с фактами, что может повлечь фальсификацию, второй – интерпретацию фактов, что может повлечь искажение истории.

Для полноценной реализации *принципа защиты исторической правды* стоит дать определения всем трем вышеназванным категориям.

В. В. Лавров справедливо отмечает, что «в исторической науке следует разделять два этапа исторического исследования: установления факта и его интерпретации» [3, с. 24]. Исторический факт есть не что иное, как явление, которое объективно имело место быть в прошлом, что подтверждено документально, свидетельствами и другими способами при должном историческом анализе. Исторический факт – это первичная ячейка исторического знания как такового.

Важно подчеркнуть, что *фальсификация* связана именно с *первичным* уровнем исторического познания, а потому можно дать ей определение как использование фальшивых, поддельных или подложных исторических свидетельств, а равно и утверждений, не имеющих под собой доказательной базы, направленное на достижение недобросовестных целей.

Фальсификацию можно классифицировать по вине субъекта исторического познания. Так, она может быть умышленной и неосторожной, причиной которой является некомпетентность и непрофессионализм исследователя. Фальсификацией является, к примеру,

утверждение о том, что пакт Молотова-Риббентропа был заключен в 1938 году, что не соответствует объективным историческим свидетельствам. В данном случае имеет место фальсификация даты. Существует также фальсификация высказываний, заключающаяся в приписывании нигде не зафиксированных цитат тем или иным историческим деятелям.

Фальсификацию стоит отличать от непреднамеренного или *обывательского заблуждения*. Она имеет некоторый «профессиональный ценз», может стать результатом участия только таких субъектов, деятельность которых так или иначе связана с историей как наукой, с популяризацией истории политологами и прочими субъектами, которые имеют влияние на массовое сознание и выставляют несуществующие или недоказанные факты как само собой разумеющееся.

В отличие от фальсификации *искажение* связано с субъективным (вторичным) или интерпретационным уровнем исторического познания. Потому следует дать следующее определение: искажение истории – это деятельность субъектов исторического познания, направленная на изменение представления общества о своем историческом прошлом, отношения к нему. Примером такого искажения является суждение: «СССР, заключив пакт с Германией, стал наряду с ней виновным в развязывании Второй мировой войны».

Искажение происходит повсеместно. Это может быть вызвано, к примеру, получением новых исторических свидетельств (вследствие рассекречивания документов), что полностью меняет историческую картину прошлого и заставляет по-другому интерпретировать произошедшее (в этой связи справедливо отмечает В. В. Лавров: «Исследователи отмечают относительность истины в истории... Однако объем этого относительного знания может изменяться в соответствии с *изменением когнитивных возможностей имеющегося в распоряжении науки арсенала данных, которые могут пригодиться для объективного познания о событиях прошлого*» (курсив наш. – Н. Н., А. К.)) [3], или стремление государства интерпретировать историю в выгодном для себя ключе. Искажение истории происходило всегда.

Искажение истории, в отличие от фальсификации, - более сложный процесс. Искажение не всегда является отрицательным, несмотря на наличие явно негативных коннотаций с этим словом. Более того, право искажения (изменения интерпретации) истории при рассмотрении его (искажения) как неотъемлемого аспекта научно-исторического познания является конституционно закрепленным правом, вызывающим корреспондирующие обязанности со стороны государства обеспечить свободу интерпретации истории. Речь идет о ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, которая гласит: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, *научного*, технического и других видов творчества, преподавания (курсив наш. – Н. Н., А. К.)» [8].

Таким образом, по нашему мнению, искажение в общем и целом является неминуемым следствием постоянного развития общества и имеет то же значение, что и интерпретация.

Уничтожение исторической памяти как последний фактор посягательства на историческую правду – наиболее материализованный аспект. Под уничтожением исторической памяти стоит понимать планомерную и системную деятельность, направленную на уничтожение и (или) осквернение объектов исторической памяти (памятников, архитектурных строений, братских могил и пр.). Такой процесс приобретает особый масштаб, к примеру, в прибалтийских государствах.

На основании вышесказанного нами предпринята попытка сформулировать варианты толкования конституционного положения о защите исторической правды:

1) историческая правда признается истиной, но только на уровне первичного уровня исторического познания – изучения исторических фактов. В этом смысле историческая правда (истина) является простой совокупностью имеющих доказательства исторических фактов. При логичном развитии данного тезиса приходим к выводу, что исследование должно походить на «летопись», без высказывания автором своего мнения, без его попыток так или иначе соединить исторические факты между собой, найти между ними связи, но с простым перечислением в определенной последовательности (к примеру, хронологической) фактических обстоятельств прошлого. В таком случае *любая интерпретация будет являться искажением исторической правды, следовательно, с любой интерпретацией как посягательством на историческую правду следует бороться*. Такое толкование представляется абсурдным;

2) историческая правда не является исторической истиной, но представляет собой субъективную волю государства, опирающуюся на аппарат государственного принуждения. В отличие от первого толкования здесь есть переход ко второму этапу исторического познания (интерпретация), но такой переход является свободным до тех пор, пока исследователь не сталкивается с *государственным видением истории, которому нежелательно противоречить вследствие монопольного права государства на применение насилия*. Такое толкование наиболее опасно для свободы слова и научной деятельности, ведь фактически государство вторгается в историческое поле и «эксплуатирует» историю для своих целей, к примеру, для мобилизации народных масс, что олицетворяет *инструментальный подход* к истории [9]. С другой точки зрения, такое толкование означает, что реальное положение вещей просто-напросто получило свое юридико-формальное закрепление. Действительно, историческая правда (в таком толковании) зачастую менялась под нужды государства, и сегодняшнее время, когда за два десятилетия произошел «демократический откат» с выстраиванием авторитарной системы управления, не исключение, поэтому конституционное закрепление защиты *такой* исторической правды – простая констатация прежнего положения

дел. Более того, в условиях напряженной международной обстановки и гибридной войны, когда историческое пространство становится новым участком «информационного фронта», государство стремится задействовать все ресурсы для выживания, в том числе заручиться поддержкой коллективного сознания. Однако, хотя формальное закрепление тех или иных правовых тезисов и может означать простую констатацию положения вещей, *зачастую такие дефиниции влекут за собой еще и новые юридические последствия*. Особенно это характерно для конституционных положений: если ранее государство не имело легально-правовой основы для давления на историческое и околоисторическое сообщество (принуждение было индивидуализированным и держалось в основном на морально-нравственных аспектах, а иногда на административном принуждении), то теперь конституционно-правовое положение *позволяет ему выработать механизм защиты исторической правды посредством легального применения аппарата принуждения*. Такое положение вещей, по нашему мнению, обусловлено *стремлением мобилизовать народные массы посредством апелляции к историческому прошлому для цементирования общества с целью противостояния с Западом, что является объективной потребностью Российского государства*. Стоит заметить, что Россия не является в данном случае исключением или «первопроходцем». По мере политизации истории все больше стран включается в информационно-историческую войну, закрепляя на уровне нормативных правовых актов свое видение истории (к примеру, в 2017-м министры юстиции восьми стран Восточной Европы приняли совместное заявление о необходимости «расследовать преступления коммунизма» [10], поэтому Российская Федерация вынуждена пойти по такому же пути;

3) историческая правда как абстрактно-фундаментальный принцип, к которому стремится консенсусное сотрудничество государства, исторического и околоисторического сообщества. Данное толкование не исходит из принципа «история – это политика, обращенная в прошлое» потому, что историческое пространство *утрачивает черты чрезмерного огосударствления и приобретает черты общесоциального движения к установлению наиболее взвешенной и объективной картины прошлого посредством многосубъектного и равноправного сотрудничества, свободных дискуссий, обеспеченных государством*. Такое толкование также влечет ограничения, но только для недобросовестных исследователей. В данном толковании обозначается видимость всех двух уровней исторического познания, однако к ним устанавливаются повышенные требования. Государство в силу конституционного положения об обеспечении защиты исторической правды как *главного принципа историографии обязано создать условия* для свободной реализации права на дискуссии, на творчество и науку. Такое толкование представляется наиболее верным, хотя в силу объективных обстоятельств (напряженная международная обстановка, развязанная гибридная война и т. п.) такой

подход не может быть реализован полностью. В отличие от второй точки зрения, при которой историческая правда – это наивное огосударственное, а потому цементированное и неподвижное представление о прошлом, данный подход отличается своей динамичностью и направленностью в будущее, так как историческая правда рассматривается в нем как «недостигаемая вершина», к которой нужно постоянно стремиться.

Таким образом, конституционно-правовое положение о защите исторической правды является дискуссионным вопросом вследствие отсутствия единого мнения о том, что такое «правда» и как она соотносится с «истиной». Представляется важным отметить, что данная поправка имеет ярко выраженный мировоззренческий характер, а потому толкование ее может быть многоаспектным до тех пор, пока законодатель сам не даст определение «исторической правде».

Список литературы

1. Чеджемов С. Р. Конституционное строительство в Российской Федерации: к вопросу о защите исторической правды // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 5. – С. 122-129.
2. Москалев Г. Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 15 (8). – С. 1070-1081.
3. Лавров В. В. Понятие «историческая правда», закрепленное в части 3 статьи 67¹ Конституции Российской Федерации // Вестник Университета Прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 1. – С. 21-27.
4. Астафичев П. А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. – 2020. – № 4. – С. 5-11.
5. Пресняков М. В. Защита исторической правды в России: «мостик» в историю или «тропинка» для обхода свободы слова // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2021. – № 18. – С. 69-77.
6. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/ (дата обращения: 05.11.2022).
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 03.11.2022).

8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.11.2022).

9. Зачем фальсифицируют историю? URL: <https://arzamas.academy/materials/189> (дата обращения: 06.11.2022).

10. Восемь стран Восточной Европы приравняли коммунизм к нацизму. URL: <https://www.kp.ru/daily/26722.4/3747751/> (дата обращения: 09.11.2022).